
Л. В. ПУМПЯНСКИЙ

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

СОБРАНИЕ ТРУДОВ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

ОДА «ПАМЯТНИК»

ТЮТЧЕВ И БАРОККО

БАЛЛАДНЫЙ СТРАХ
И ФИЛОСОФИЯ СМЕХА

ДОСТОЕВСКИЙ И АНТИЧНОСТЬ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СИМВОЛИЗМА

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Л. В. ПУМПЯНСКИЙ

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

СОБРАНИЕ ТРУДОВ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)
П 88

*Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках конкурса «Пушкинист»*

Ответственный редактор: А. П. Чудаков
Составление: Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев

Вступительная статья, подготовка текста и примечания: Н. И. Николаев

Пумпянский Л. В.

П 88 Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чудаков; Сост.: Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 864 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0092-0

Сборник трудов известного отечественного литературоведа и мыслителя Л. В. Пумпянского (1891–1940) содержит оригинальную концепцию возникновения и развития русской классической литературной традиции, получившей всеобъемлющее воплощение в творчестве А. С. Пушкина. Наряду со статьями, посвященными анализу произведений А. С. Пушкина, в сборнике представлены работы Л. В. Пумпянского, раскрывающие предпушкинские тенденции русского классицизма, и исследования о творчестве Тютчева, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, показывающие определяющее воздействие пушкинского классицизма и пушкинского тематизма на всю последующую историю русской литературы. Не опубликованные ранее материалы составляют более половины объема всей рукописи. Сборник работ Л. В. Пумпянского составлен при участии вдовы ученого Е. М. Иссерлин (1906–1994) и подготовлен Н. И. Николаевым.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

- © Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев. Составление, 2000
- © Н. И. Николаев. Вступительная статья, подготовка текста, примечания, 2000
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Лев Васильевич Пумпянский

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Собрание трудов по истории русской литературы

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Н. Григорян

Подписано в печать 20.06.2000. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. п. л. 69,66. Заказ № 366

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вниманию зарубежных покупателей!

За пределами России и стран СНГ данное издание распространяется только в специальном экспортном исполнении — с **зеленой полосой** под данным текстом. **Распространение издания без зеленой полосы не является законным.**

Право на распространение этого издания за рубежом, кроме издательства «Языки русской культуры» (fax: 095 246-20-20 для M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk).

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Энциклопедия гипотез (<i>вступительная статья</i>)	7	
К истории русского классицизма (1923—1924)	30	651
«Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века (1939)	158	671
Об оде А. Пушкина «Памятник» (1923)	197	679
Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина (1923)	210	689
Поэзия Ф. И. Тютчева (1928)	220	697
Гоголь (1922—1923)	257	706
Стиховая речь Лермонтова (1939)	343	722
Статьи о Тургеневе (1929—1930)	381	729
Романы Тургенева и роман «Накануне» (<i>Историко-литературный очерк</i>)	381	
«Отцы и дети» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	403	
Тургенев-новеллист	427	
Группа «таинственных повестей»	448	
«Дым» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	464	
«Новь» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	482	
Тургенев и Флобер	489	
Достоевский и античность (1922)	506	743
Памяти В. Я. Брюсова (1924)	530	765
О поэзии В. Иванова: мотив гарантий (1925)	538	768
Русская история 1905—1917 гг. в поэзии Блока (1925)	541	771
О «Незнакомке» А. А. Блока (1925)	546	774
Основная ошибка романа «Зависть» (1931)	551	776
Приложение	558	
Достоевский как трагический поэт (1919)	558	781
Краткий доклад на диспуте о Достоевском (1919)	562	789
Смысл поэзии Пушкина (1919)	564	791
Опыт построения релятивистической действительности по «Ревизору» (1919)	576	806

Петербург Пушкина и Достоевского (1922)	590	811
О «Медном всаднике», о Петербурге, о его символе (1925)	595	821
Лермонтов (1922).	599	824
Примечания	649	
Указатель литературы.	833	
Указатель имен	849	

Энциклопедия гипотез

Научную деятельность Л. В. Пумпянского отличает важная особенность — поразительное теоретическое единство его работ. И если частные наблюдения, содержащиеся в его трудах, настолько органически вошли в обиход отечественного литературоведения, что порой при их упоминании даже и не осознается, кем и когда они были высказаны, то теоретические взгляды Л. В. Пумпянского оказались вне поля зрения истории филологической науки. Более того, не возникало даже необходимости уяснить, что объединяло его работы и на основе каких принципов, и сопрягаются ли вообще выводы его статей о Тургеневе и работ о Ломоносове, исследования о Тютчеве и книги «Достоевский и античность». Между тем в работах Л. В. Пумпянского был выдвинут целый ряд плодотворных предположений и гипотез, касающихся как общего характера литературного развития, так и конкретных историко-литературных проблем. Так, именно Л. В. Пумпянский впервые поставил вопрос о барочном характере русской силлабической поэзии XVII в. Его наблюдения об особенностях эпического стиля Тредиаковского — наличие в тексте «Телемахиды» прямых античных поэтических реминисценций — лишь недавно получили блестящее подтверждение. Подтвердилась и его гипотеза об итальянских связях Кантемира, и его предположение о том, что инвектива Тютчева «Не то, что мните вы, природа...» должна иметь определенный адресат в современной ему эпохе и т. д. Менее всего следует оценивать эти гипотезы как счастливые находки специалиста по данному вопросу или как результат применения особого метода исследования, характеризующегося редким сочетанием интуитивного постижения исторического процесса и необычайной учености и потому недоступного для подражания. Сама возможность этих предположений предусмотрена теоретическим принципом, нигде явно не сформулированным, но лежащим в основе каждого из исследований Л. В. Пумпянского, идет ли речь о творчестве Пушкина или Джеймса Джойса, Гоголя или Марселя Пруста, Олеси или Томаса Манна. Этот принцип, касающийся общих закономерностей русской и европейских литератур, обозначается понятием «классическая традиция».

Лев Васильевич Пумпянский родился 5 февраля 1891 г. в Вильно¹. Отца, химика по образованию и роду занятий, он лишился в возрасте семи лет. Его мать с малых лет воспитывалась во Франции, а после возвращения в Россию многие годы преподавала французский язык в разных женских учебных заведениях. Французский язык Л. В. Пумпянский усвоил с самого раннего детства и сохранял пристрастие к французской культуре и литературе на протяжении всей своей жизни. После смерти отца они с матерью жили очень скромно. Позднее, еще учась в гимназии, Л. В. Пумпянский начал заниматься репетиторством. Л. В. Пумпянский учился в 1-ой Виленской гимназии имени Александра I, которую окончил в 1910 г. Тогда же сложился гимназический кружок, в который, помимо Пумпянского, входили Лопатто и Кобеко, его сверстники, и несколько более юные братья Бахтины — Николай и Михаил. Поэзия, философия и античность были основными предметами обсуждения в кружке, который собирался зимними вечерами то у Лопатто, то у Пумпянского. Именно в эти годы Н. Бахтин увлекается «Рождением трагедии» Ф. Ницше и трилогией Д. С. Мережковского, а Пумпянский — философией В. Соловьева. Греческий язык к тому времени уже не входил в обязательную программу, однако участники кружка с энтузиазмом изучали его факультативно. К этому виленскому периоду относятся и первые поэтические опыты М. И. Лопатто и Н. М. Бахтина². Несомненно, что и Л. В. Пумпянский подобно своим друзьям тоже тогда писал стихи, хотя никаких упоминаний об этом не сохранилось. Однако вряд ли эти стихи Пумпянского, если судить по тем нескольким случайно сохранившимся образцам его поэтического творчества конца 1910-х — начала 1920-х гг.^{2а}, выходили из круга привычных тем и стихотворных приемов символистской поэзии, чем, собственно говоря, они и отличались от безусловно оригинальных произведений Лопатто и Н. Бахтина, как можно судить даже из того относительно небольшого числа известных нам их поэтических текстов, и это не случайно. Символистская культура, как бы к ней ни относились отдельные члены кружка — Лопатто с известной долей скепсиса, Пумпянский и братья Бахтины с явным предпочтением, — определяла его поэтическую и идейную атмосферу. Быть может, никто из

¹ Эта дата рождения Л. В. Пумпянского дается в соответствии с семейной традицией, отразившейся и в печатном некрологе (Пумпянский Л. В. 1941: 548). В его студенческом деле зафиксирована иная дата — 17 января 1891 г., по старому стилю (ЦГИА СПб, ф. 14, д. 61407).

² Эджертон 1990: 225, 232—234; Бахтин Н. 1963: 2—3.

^{2а} См., например: Кузнецов 1996: 29; Николаев 19976: 118.

членов кружка не оказался более стойким приверженцем символизма, чем Л. В. Пумпянский, несмотря на то что и его символистские воззрения во второй половине 1920-х гг. претерпели известную ревизию. Недаром в 1924—1925 гг. в серии статей, посвященных ведущим представителям символизма, он сформулировал представление о символистской поэтической цивилизации конца XIX—начала XX в. Отзвуки поэтического и критического творчества Вяч. Иванова, Брюсова, Мережковского, Сологуба, Розанова ощущаются в трудах самого Л. В. Пумпянского на протяжении многих лет, и особенно ясно в невельских работах 1919 г. Так например, все ранние работы Л. В. Пумпянского о Пушкине пронизаны той символистской традицией истолкования пушкинского творчества, о которой Брюсов писал в 1924 г.: «символисты могли привести немало доказательств в защиту своей родословной. набросок „В начале жизни...“ заключает поразительную аналогию с идеями Ницше: противоположение Аполлона и Диониса. „Гимн чуме“ — вполне в духе настроений, господствовавших среди символистов („Все, все, что гибелью грозит...“ и т. д.)»³. Наконец, уже в эти виленские годы, судя по воспоминаниям М. И. Лопатто, Л. В. Пумпянского отличала та необычайная эрудиция, о которой как о наиболее характерной черте его личности говорил и М. М. Бахтин⁴.

22 декабря 1911 г. Л. В. Пумпянский принял в Вильно крещение по православному обряду. Свое отчество он получил по имени восприемника В. А. Новочадова⁵. Василий Алексеевич Новочадов, преподаватель древних языков 1-ой Виленской гимназии, по прозвищу Зевс, окончил Историко-филологический институт в Петербурге. Именно ему Л. В. Пумпянский обязан своим превосходным знанием латинского и греческого языков. Судя по некоторым воспоминаниям, обращение Л. В. Пумпянского в православие явилось результатом преодоления глубокого духовного кризиса.

К этому времени относится и первый нам известный собственно филологический замысел Л. В. Пумпянского — создание словаря русских рифм. С начала 1912 г. он живет уже в Петербурге, откуда и посылает 18 января письмо В. Я. Брюсову с изложением этого замысла:

---

³ Брюсов 1929: 277.

⁴ Эджертон 1990: 232; Дувакин, Бахтин 1996: 196, 231.

⁵ Имя Л. В. Пумпянского до его изменения в соответствии с обрядом — Лейб Меерович Пумпян (ЦГИА СПб, ф. 14, д. 61407). Фамилия Пумпянский достаточно распространенная. Л. В. Пумпянскому неоднократно приписывались работы искусствоведа Л. Пумпянского, напечатанные в «Аполлоне» и изданиях Пролеткульта.

«М(илостивый) Г(осударь) Валерий Яковлевич, собирая, материалы для составления словаря русских рифм, я беру на себя смелость обратиться к Вам за нижеследующей справкой.

По некоторым фразам сборника „Далекие и близкие“ можно, показалось мне, заключить, что подобным трудом заняты Вы (либо кто иной под Вашим руководством). В этом случае издание моего Словаря (который я к маю надеюсь подготовить к печати), теряет, естественно, всякий смысл, и мне остается, сложив оружие, переслать Вам собранные материалы и некоторые соображения об общем плане Словаря, в надежде быть — хоть немного — полезен Вам. С другой стороны, если мое предположение неверно, мне было бы чрезвычайно желательно представить на Ваше усмотрение основные начала, на которых я строю громоздкое здание Словаря.

В том или ином случае покорнейше прошу не отказать в ответе по прилагаемому адресу {...}⁶.

Все знаменательно в этом письме и многое предвещает: и универсальность замысла, и его стиховедческий характер, и обращение к мэтру символистской науки о стихе. К сожалению, никаких иных сведений о судьбе этого замысла не имеется. Ответное письмо Брюсова, если оно и было, не сохранилось. Но можно предположить, зная исключительную трудоспособность Л. В. Пумпянского, что значительная часть материалов им уже была собрана.

Осенью 1912 г. Л. В. Пумпянский поступает в Петербургский университет, где занимается на романо-германском отделении историко-филологического факультета. В эти годы он живет частными уроками, посещает лекции в университете, принимает участие в деятельности студенческого романо-германского кружка, чьи заседания проходили под руководством профессора Д. К. Петрова. В 1915 г. Л. В. Пумпянский сделал в кружке два доклада — „Les Misérables“ В. Гюго как центральное произведение французского романтизма и „Le rouge et le noir“ Стендаля⁷. Как не случайно его первая работа о русской литературе посвящена вопросам стиховедения, столь же не случайно его первые исследования по истории западноевропейских литератур оказались связаны с творчеством французских писателей первой половины XIX в. В своих последующих трудах почти во всех случаях историко-литературных сопоставлений, а такие сопоставления являются неременной чертой научного стиля и научного метода Л. В. Пумпянского, он постоянно ссылается на Гюго и Стендаля.

⁶ РГБ, ф. 386, 99, 46.

⁷ Отчет 1915: 188, 235.

К 1913 г. почти все виленские гимназические приятели оказались в Петербурге и в Петербургском университете и, сойдясь вновь, создали домашний кружок «Омфалос», на собраниях которого сочинялись и исполнялись пародии на современную поэзию. По воспоминаниям М. М. Бахтина, собраниям кружка было свойственно «веселое критическое отношение ко всем явлениям жизни и современной культуры»⁸. Несомненно, что и Л. В. Пумпянский, как и остальные члены кружка, занимался сочинением пародий. Однако все сохранившиеся пародии или хотя бы упоминания о них связаны с именами наиболее плодовитых кружковцев — Н. М. Бахтина, возглавлявшего «Омфалос», и М. И. Лопатто⁹. Собрания «Омфалоса» с их веселостью не прошли даром для Л. В. Пумпянского и М. М. Бахтина и сказались в их оригинальном подходе к теории смеха и комического. Так, первые статьи М. М. Бахтина, напечатанные под именами его друзей П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова в 1925—1926 гг., — «Ученый сальеризм», «По ту сторону социального», «Социологизм без социологии» — представляют собой нечто «омфалическое»: ученые памфлеты.

В Первую мировую войну Л. В. Пумпянский, не закончив университетского курса, поступает на военную службу, скорее всего в начале 1916 г. Его примеру уже осенью 1916 г. последовал и Н. М. Бахтин, записавшийся добровольцем в армию¹⁰. Годы военной службы позволяют понять тот особый интерес, который Л. В. Пумпянский проявлял на протяжении всей жизни к мировой войне, относясь к ней как к крупнейшему событию новейшей истории. В начале 1920-х гг. им был написан ряд работ, в которых разбирался ход военных действий 1914—1918 гг. и были проанализированы политические итоги войны¹¹. За 1920—1930-е гг. в его библиотеке сложилась обширная коллекция отечественных и иностранных изданий, освещающих различные аспекты истории Первой мировой войны, вплоть до анализа конкретных военных операций. Соответственно, в его неизданной книге о современной западной литературе (1930 г.) немалое место было уделено рассмотрению произведений о войне.

Военная служба Л. В. Пумпянского проходила по крайней мере с весны 1916 г. в течение почти двух лет в городе Невеле Витебской губер-

⁸ Дувакин, Бахтин 1996: 54.

⁹ Эджергон 1990; Дувакин, Бахтин 1996: 50—55.

¹⁰ Бахтин Н. 1963: 5.

¹¹ Об одной из таких работ Л. В. Пумпянского говорится в его письме М. И. Кагану 23 марта 1923 г. (Каган Ю. 1992а: 73). Речь идет о работе «О социологическом интересе мировой войны 1914—1919 гг.: Опыт философского анализа» (1923; Архив Л. В. Пумпянского).

нии. Здесь в свободное время, как и прежде в Петрограде, он давал частные уроки, стал вхож в дома местной интеллигенции. В доме доктора В. Г. Юдина он познакомился с юной Марией Юдиной, будущей знаменитой пианисткой, учившейся в Петрограде в консерватории. Именно тогда завязались длившиеся целое десятилетие их мучительные, с разговорами и примирениями, отношения. По мнению друзей, посвященных в подробности, эти отношения были скорее родом духовной дружбы, сопровождавшейся, однако, сильнейшими переживаниями. Влияние Л. В. Пумпянского в те годы на становление личности М. В. Юдиной было велико. Он, в частности, был одним из тех, кто способствовал ее обращению в православие¹².

После демобилизации Л. В. Пумпянский остался в Невеле. В начале лета 1918 г. из Петрограда по его приглашению в Невель приехал М. М. Бахтин. Тогда же возвратился из Германии, где он был интернирован со времени начала военных действий, невеликий уроженец, философ М. И. Каган, ученик Г. Когена и П. Наторпа, стоявших во главе неокантианской Марбургской школы. Так составилось ядро Невельского кружка, в собраниях которого в 1918—1919 гг. принимали также участие М. В. Юдина, Б. М. Зубакин, В. Н. Волошинов и другие. Возникшая в процессе этих дискуссий Невельская школа философии, при всей неоднородности своих источников — от неокантианства и «философии жизни» до феноменологии и позднего символизма, — характеризуется не столько единством философского метода, сколько единой постановкой ряда теоретических проблем. Все основные содержательные концепции ее ведущих представителей — М. М. Бахтина, М. И. Кагана и Л. В. Пумпянского — возникли и получили первоначальное оформление в этот Невельский период.

Члены Невельского кружка занимались преподаванием в местных учебных заведениях, их имена постоянно встречаются в хронике культурной жизни послереволюционного Невеля. Они пользовались авторитетом у новых властей и уважением в невеликом обществе. Однако ни в тематике, ни в содержании своих публичных выступлений они не делали никаких уступок победившей пролетарской идеологии. Подобное поведение порой вызывало резкие нападки со стороны их официозных оппонентов, как об этом свидетельствуют отчеты в невеликой газете «Молот».

Зиму 1918—1919 гг. Л. В. Пумпянский провел в качестве переводчика в войсковых отрядах, которые занимали территорию, освобождавшуюся

---

¹² Дувакин, Бахтин 1996: 227—244, 246.

от немецких войск после заключения перемирия на Западном фронте и ноябрьской революции 1918 г. в Германии¹³. С этими отрядами он добрался к концу зимы до Риги.

По возвращении в Невель в начале весны 1919 г. Л. В. Пумпянский вновь обратился к преподавательской деятельности, в частности к чтению обширных историко-культурных лекционных курсов, к публичным выступлениям и к дружеским дискуссиям в Невельском кружке. Архив Л. В. Пумпянского содержит материалы начиная с весны 1919 г. И только с этого времени, несмотря на множество архивных лагун, можно судить об эволюции взглядов Л. В. Пумпянского не гадательно, а достаточно определенно.

Важнейшим этапом в истории Невельской школы стали занятия в летние месяцы 1919 г., посвященные проблемам нравственной философии. Общий смысл этих обсуждений Л. В. Пумпянский в июле 1919 г. изложил — в типично «омфалическом» вкусе — в виде пародийного заглавия некоей книги: «Краткая повесть о том, как „я“, не положив „я“, не умело даже положить „не-я“, стало самозванцем, и что из этого вышло. Повесть Алексея Оглоблева, 2-ое изд., цена 7 р. 50 к. (по воен. вр.)». Сам Л. В. Пумпянский в эти летние месяцы 1919 г. прочитал в кружке доклады «Достоевский как трагический поэт», «Краткий доклад на диспуте о Достоевском», «Опыт построения релятивистической действительности по „Ревизору“», «Эпохи „Гамлета“», «Смысл поэзии Пушкина», о «Федре» Расина. И хотя, на первый взгляд, судя по манере изложения и легкоузнаваемым «общим местам», эти доклады еще не выходят за пределы символистского литературоведения и эссеистики, в каждом из них представлена та или иная грань возникавшей в непрерывных дискуссиях новой проблематики нравственной философии.

А. В. Михайлов, проницательно отметив наличие теоретического подтекста в историко-литературных работах Л. В. Пумпянского, однако, свел способ его проявления к особому моменту исследовательской стратегии и тактики — «к тому внутреннему моменту, который одного исследователя от общих идей влечет в глубину материала, между тем как другой производит общие, хорошо работающие идеи, не имея возможности (и даже желания) досконально подкрепить их анализом материала; примерно так сложилось отношение, ставшее уже фактом истории нашей науки между Л. В. Пумпянским и М. М. Бахтиным, — можно думать, что у первого был большой запас идей и способность их производить, при нежела-

¹³ Там же: 235—236.

нии высказывать их в общем виде, тогда как второй сосредоточился на общем. В работах Л. В. Пумпянского общее просвечивает как потенция и направляющий смысл. Между тем степень известности каждого соответствует тому, как каждый поставил себя в науке»¹⁴. Суждение А. В. Михайлова опровергается хотя бы таким фактом: все названные невеликие выступления Л. В. Пумпянского, ставшие зерном таких его будущих исследований, как доклад «Достоевский и античность», книга о Гоголе, серия работ о Пушкине, были инспирированы М. М. Бахтиным: оба доклада о Достоевском были непосредственным откликом на первое изложение М. М. Бахтиным своей нравственной философии, а остальные выступления явились оригинальной разработкой положений сделанного в июле 1919 г. доклада М. М. Бахтина о монументальной эпохе символов. Новое понимание символа и его судеб, предложенное в докладе М. М. Бахтина, стало у Л. В. Пумпянского основой периодизации истории русской литературы, которой он придерживался до середины 1920-х гг. В то же время ряд «общих» идей Л. В. Пумпянского, например изложенных в книге о Гоголе, был усвоен и учтен М. М. Бахтиным в его последующих теоретических построениях, в частности в труде о Рабле. Таким образом, вопреки мнению А. В. Михайлова, дело заключается не в характере проявления теоретической способности обоих исследователей, а в ее применении к разным областям исследования.

Тогда же в наброске к докладу «Опыт построения релятивистической действительности по „Ревизору“» Л. В. Пумпянским была сформулирована исследовательская установка, которой он постоянно придерживался,—преимущественное изучение центральных произведений каждой эпохи и творчества ведущих ее писателей: «Очевидно, что явления ничего не скажут, а нужно предварительно логическим анализом вывести истинно-переменные из общего ряда, довести их мыслительным путем до их пределов, а там вчитаться в те творения, которые оперируют пределами... т. е. в творения поэзии. Да, ничто столько не скажет о России, как „Медный всадник“, „Мертвые души“ или „Ревизор“ (откуда никак не следует, что не нужно изучать положительных данных...)». Эту установку он имел в виду в 1923 г., когда писал в работе «К истории русского классицизма» о «той „большой“ истории литературы (...), которая безбоязненно проводит линии от гения к гению, от Аристофана к Мольеру, Фонвизину, Гоголю. Реальность такой литературы лучше всего подтверждается историей этой триады». Таким образом, Л. В. Пумпянский единичность исто-

---

¹⁴ Михайлов 1989: 55.

рического явления не объяснял совокупностью социологических факторов, а бытие художественного произведения не выводил из совокупности литературных фактов эпохи, подобно формалистам, усвоившим такой подход к изучению литературы в Пушкинском семинаре С. А. Венгерова. Напротив, только великое творение — и здесь отчетливо видна романтическая генеалогия этого представления — позволяет понять происхождение рядового произведения каждой эпохи. Поэтому анализ второстепенных явлений, а такие анализы у Л. В. Пумпянского имелись: русские романы 1760—1780-х гг., одическая продукция последней четверти XVIII—первой четверти XIX вв., западная массовая беллетристика последней трети XIX—первой трети XX вв.—никогда в отличие от представителей формального метода и таких близко стоявших к нему ученых, как В. В. Виноградов и В. М. Жирмунский, не становится у него основой изучения закономерностей литературного процесса.

В августе 1919 г. Л. В. Пумпянский переехал в Витебск и преподавал там до октября 1920 г. В Витебске, который в те годы переживал расцвет культурной и художественной жизни, его лекции и курсы пользовались большой популярностью. У него появились ученики, среди них — И. И. Соллертинский, будущий известный музыковед¹⁵. Возможно, не последнюю роль в выборе его занятий сыграло увлечение Л. В. Пумпянского в этот период философией музыки. Невельские друзья неоднократно наезжали в Витебск и выступали с публичными лекциями. Л. В. Пумпянский, со своей стороны, также не раз навещал их в Невеле. К осени 1920 г. невельское сообщество окончательно распалось: все разъехались по разным городам. М. М. Бахтин перебрался в Витебск.

Оказавшись в октябре 1920 г. в Петрограде, Л. В. Пумпянский посещает собрания религиозного кружка А. А. Мейера, давнего знакомого М. М. Бахтина, учительствует в бывшем Тенишевском училище, читает лекции и ведет специальные курсы в Вольной Философской ассоциации (Вольфила). В это время, примерно в 1920 г., приобретает окончательный вид его концепция исторического развития русской литературы.

В начале 1920-х гг. в своих курсах истории русской литературы Л. В. Пумпянский неоднократно говорил о методологическом кризисе в сфере гуманитарных наук, о невозможности следовать прежним историко-литературным построениям. В историографии обычно называются совсем другие причины этого кризиса. Вернее поэтому обратиться к мнениям современников. В 1910-е гг. А. М. Евлахов, ученик академика

¹⁵ Михеева 1988: 24, 27—29.

А. Н. Веселовского, в своем труде «Введение в философию художественного творчества» (Ч. 3. 1917) показал, сам, правда, настаивая на необходимости применения психологического метода, что выход из этого кризиса связан с решением проблемы соотношения филологического, культурно-исторического, сравнительно-исторического и эволюционного методов. Самой известной попыткой преодоления этих теоретических затруднений явился русский формализм. Не менее радикальное решение этой проблемы, с не меньшим, чем у формалистов, антипсихологизмом и вниманием к художественным особенностям текста, было дано представителями Невельской школы философии. Однако их работы тогда опубликованы не были и остались без последствий. И даже книга Л. В. Пумпянского «Достоевский и античность» (1922; доклад 2 октября 1921 г.), по сути дела, манифест нового направления теоретической мысли, не произвела впечатления, подобного первым сборникам ОПОЯЗ'а, и вообще не была замечена. Причина этого, возможно, заключалась в том, что новаторство формалистов с самого начала было тесно связано с такими авангардистскими поэтическими течениями предреволюционного и революционного времени, как футуризм и акмеизм, тогда как новизна идей Л. В. Пумпянского и его друзей могла восприниматься лишь как частичная ревизия ряда положений прежней символистской культуры.

Во-первых, в отличие от опоязовцев, обратившихся к «Поэтике» А. Н. Веселовского при изобретении терминологического аппарата формального метода, Л. В. Пумпянский, исходивший из далеко не бесспорной для 1910-х гг. предпосылки о русской литературе XVIII—начала XX вв. как завершающем звене античной традиции, использует при анализе русских литературных текстов этого периода методы классической филологии, разработанные при изучении сочинений древних авторов. Такое применение без каких-либо особых обоснований этих методов также в то время было не только далеко не бесспорным, но и совершенно необычным. В классической филологии Л. В. Пумпянский видел образец для построения национальных филологий, а в качестве одного из воплощений ее методов в русской филологии называл академические издания русских авторов, появившиеся в 1910-е гг. Наиболее ярким примером использования этих методов в работах Л. В. Пумпянского, хотя они определяют характер всего его творчества, является статья «Об оде А. Пушкина „Памятник“» (1923), а также корпус его помет первой половины 1920-х гг. в изданиях Ломоносова и Державина. Его специальные занятия классическими авторами, особенно Вергилием и Горацием, продолжавшиеся до середины 1920-х гг., в немалой степени способствовали ус-

пешному перенесению этих методов на материал русской литературы. Соответственно, в архиве Л. В. Пумпянского в виде итога этих занятий наряду с тремя курсами истории русского классицизма (1921—1922 гг., 1923 г., 1923—1924 гг.) сохранились и два варианта задуманной еще в Невеле и Витебске «Истории античной культуры, преимущественно литературной» (1921—1922 и 1924 гг.). Вместе с тем общий филологический подход был осложнен, прежде всего в сфере анализа стиха, символистским литературоведением (А. Белый, В. Брюсов, Вяч. Иванов). Так например, Л. В. Пумпянским органически были усвоены суждение А. Белого, что «не существует теории ритма, как не существует теории инструментовки», поставленная им задача создания словарей к каждому поэту, а также высокая оценка статьи Вяч. Иванова о «Цыганах» («подлинный критический шедевр») и книги А. Н. Веселовского о Жуковском как образца исследования индивидуального стиля поэта¹⁶.

Во-вторых, развитие европейской литературы Л. В. Пумпянский рассматривал с позиций исторической поэтики. Эта историческая поэтика, нигде у него должным образом так и не сформулированная, возникла помимо А. Н. Веселовского, на основе ряда идей символистской культуры и была не той абстрактной моделью всякого развития поэтических форм из некоего гипотетического первобытного синкретизма, извлеченной из фольклорно-этнографических построений А. Н. Веселовского, а представляла собой конкретную поэтику исторических литературных образований, охватывающих период от эпического оформления индоевропейского мифа о страждущем божете, который предопределил, по утверждению Л. В. Пумпянского, характер античной культуры, до начала XX столетия. Это то литературное единство европейской культуры, заданное античностью, которое С. С. Аверинцев определил понятием «рефлективный традиционализм»¹⁷. Недаром первые наброски такой исторической поэтики возникли у Л. В. Пумпянского в 1920 г. при чтении Вергилиевой «Энеиды». Подобный подход предполагал новое понимание античности: это не только античность как предмет классической филологии, классического образования, классических древностей, и даже не мистериальная античность в более новом восприятии Ф. Ницше и Вяч. Иванова, и, конечно, менее всего чужая и недоступная античность самых новейших интерпретаций начала XX в., это та античность, которая присутствует в произведениях Пушкина и Достоевского. Речь идет не о стили-

¹⁶ Белый 1910: 284, 599, 284—285.

¹⁷ Аверинцев 1981: 3.

зации и имитации античных образцов, но о непрерывности традиции и ее воплощении на определенном историко-литературном пространстве.

Это новое понимание античности связано с идеей Третьего Возрождения, высказанной в 1900-е гг. Ф. Ф. Зелинским, Вяч. Ивановым и И. Ф. Анненским, полагавшими, что вслед за романским и германским должно наступить русское (славянское) Возрождение¹⁸. Для Л. В. Пумпянского, Н. М. и М. М. Бахтиных идея Третьего Возрождения была подосновой их философского, эстетического и историко-литературного творчества, историософским принципом оценки прошлого, настоящего и будущего России и Европы. Судя по некоторым свидетельствам, в Петербурге в первой половине 1910-х гг. среди виленских друзей эта идея была одной из главных тем обсуждения¹⁹. Однако если Н. М. Бахтин не только остался до последних дней жизни приверженцем этой идеи, но и в 1920—1930-е гг., в эмиграции, придал ей оригинальное расширительное толкование²⁰, то у Л. В. Пумпянского и М. М. Бахтина в конце 1910-х—начале 1920-х гг. она претерпела глубокую трансформацию.

Л. В. Пумпянский обратил представление о грядущем русском Возрождении в прошлое и, признав основанную Петром Первым неоклассическую цивилизацию последних двух столетий русской истории производной от европейского Ренессанса, превратил идею Третьего Возрождения в методологический принцип изучения русской литературы XVIII—начала XX вв. Бесспорно, это было революционное в своем роде деяние в сфере теоретической мысли, поскольку сами глашатаи идеи Третьего Возрождения, и Ф. Ф. Зелинский, и Вяч. Иванов, и И. Ф. Анненский, казалось бы, со знанием дела, ибо были филологами-классиками, неоднократно высказывали отрицательные суждения по поводу классического характера новой русской литературы. В докладе «О нравственном и умственном состоянии современной России», прочитанном в Вольфиле 2 апреля 1922 г., Л. В. Пумпянский решительно отнес в прошлое три сферы, которые по замыслу его теоретиков должны были стать гуманистическими, образовательными и эстетическими основаниями нового Возрождения,—правительство, университет, поэзию. В тезисах к докладу он говорит о конце классической поэтической цивилизации, эпилогом которой была символическая поэзия, о наступлении писательства как следствия постренессансной, реформационной эпохи и о современной

¹⁸ Хоружий 1994: 52—56; Николаев 1997а.

¹⁹ Эджертон 1990: 222, 225, 228.

²⁰ Бахтин Н. 1963: 5, 44—45; Бахтин Н. 1995: 115—116, 137—140.

поэзии с ее вульгарным лиризмом как промежуточном явлении между ними²¹. Напомним, что вульгарный лиризм и был главным предметом «омфалических» шуток и пародий.

Те устойчивые тенденции новой русской литературы, которые были заданы ей с момента ее возникновения, объясняются, по мнению Л. В. Пумпянского, ее принадлежностью единой европейской литературной традиции. Поэтому классическая литературная традиция и рассматривается им как структурообразующий принцип истории русской литературы. Этот принцип несет на себе не только теоретико-объяснительную функцию, но и номинативную, так как указывает, насколько характер русской классической литературной традиции связан с историческими особенностями русского классицизма.

Классицизм Л. В. Пумпянский в 1921 г. определял как «движение в заимствованных формах, отсутствие формального творчества». Именно в пределах оды, первого в полной мере усвоенного классического жанра новой русской литературы, и был создан стиль, т. е., по словам Л. В. Пумпянского, «традиция поэтической речи». Таким образом, эта помнящая о своем одическом рождении «традиция поэтической речи» была изначально классична и предопределила в русской литературе представление о классическом идеале и классическом совершенстве навсегда.

Историческая поэтика таких литератур основана на предпосылке, что их единство заключается в воспроизведении того или иного набора «общих мест», выявление которых и представляет собой результат их изучения²². И действительно, в исследованиях Л. В. Пумпянского изучение национальной топики русской классической литературы связано с выявлением устойчивых элементов на всех уровнях текста (темы, поэтические формулы, сюжеты, стихотворные размеры и т. д.). И хотя историческая поэтика Л. В. Пумпянского построена на иных основаниях, его подход к изучению «общих мест» почти неотличим от методологических установок А. Н. Веселовского: «К общим местам относятся формулы: вещей сновидений, похвалы, проклятия, типические описания битвы; все это нередко тормозит развитие, но принадлежит к условностям народной поэтики. Условность классических и псевдоклассических жанров не отличается по существу»²³. Эта условность европейской классической литературы, согласно А. Н. Веселовскому, вызвана тем обстоятельством,

---

²¹ Белоус 1994: 157.

²² Аверинцев 1981: 7.

²³ Веселовский 1940: 361.

что ее развитие было предопределено посторонними литературными образцами²⁴.

Если классицизм не существует вне устойчивых элементов, от переосмысления и новых сочетаний которых и проистекают уловимые изменения в литературном развитии, то выявление топки реализма как внеусловной литературы (речь идет о разных типах условности; Л. В. Пумпянский никогда не подвергал сомнению общую условность всех эстетических построений), по мнению многих, представляется почти неразрешимой задачей. Однако Л. В. Пумпянский фактически подошел к ее решению, показав, что реализм XIX в. имеет классическое происхождение, поскольку и основной принцип классицизма — исчерпывающее деление — также предполагает расчленяющий анализ современности. Так, помимо изложенного уже в книге «Достоевский и античность» тезиса о тематической зависимости русской литературы второй половины XIX в. от творчества старших классиков, Л. В. Пумпянский в конце 1920-х гг. в статьях о Тургеневе установил систему «общих мест» тургеневского романа, воспроизводящих, в частности, ряд особенностей пушкинского классицизма. Подобное применение к исследованию прозы категорий классического (и романтического), причем в том их понимании, которое у Л. В. Пумпянского сложилось на основе доклада М. М. Бахтина 1919 г. о монументальной эпохе символов, с одной стороны, бесспорно отличается от использования формалистами сказа, пародии и иных лингвостилистических понятий, изобретенных для описания аномальных прозаических текстов (эти понятия, впрочем, с необходимыми уточнениями были приняты и Л. В. Пумпянским, и М. М. Бахтиным), хотя, с другой стороны, и порождает очевидный теоретический парадокс при характеристике творчества отдельных писателей. В книге о Гоголе (1922 г.) Л. В. Пумпянский утверждает, что проза в поэтической цивилизации зарождается в комической сфере. Действительно, затем в той же книге он вполне последовательно вскрывает романтические истоки релятивистического мира гоголевской прозы. Однако проза Пушкина и Лермонтова, вернее ее классичность, обусловлена другим источником — интеллектуальной веселостью классицизма и классического мышления.

В-третьих, Л. В. Пумпянский подверг пересмотру принцип историко-литературных сопоставлений, которые ограничивались, как правило, фиксацией тех или иных влияний и заимствований в произведениях русской литературы XVIII—XIX вв. и были, тем не менее, в литературовед-

---

²⁴ Там же: 60.

нии конца XIX—начала XX в. одним из наиболее распространенных способов анализа текста. Общей нестрогости такого сравнительно-исторического подхода, не исключающего, однако, получения ряда ценнейших и верных наблюдений, Л. В. Пумпянский противопоставил понятие формальной рецепции, которая могла относиться ко всем уровням текста, в том числе и к уровню содержания (тематике). Поэтому его указания на определенные влияния и заимствования, на первый взгляд не выпадающие из круга наблюдений прежних исследователей, носят существенно иной характер. К тому же, если в 1920-е гг. в подобных указаниях у Л. В. Пумпянского по большей части речь идет о типологических сопоставлениях, то в 1930-е гг., напротив, о реальных историко-литературных преобразованиях.

В-четвертых, проблема исторических судеб жанров, обоснованная в эволюционной концепции Ф. Брюнетьера, возникшей в конце XIX в. и все еще актуальной в 1910-е гг., у Л. В. Пумпянского вылилась в представление об особой генологии русской литературы XVIII—XX вв.: волны рецепций тех или иных жанров и привели к возникновению такой жанровой системы, которая не совпадает с их обязательным набором в нормативной теоретической поэтике. Отсюда проистекал преимущественный интерес Л. В. Пумпянского к определению жанра литературных памятников—оды, баллады, стансов, а также внимание к выяснению жанровых трансформаций, например в произведениях Гоголя и Достоевского. Подобный переход от жестко заданной системы историко-литературных категорий к более гибкому рассмотрению литературного процесса стал возможен лишь в последние десятилетия. Например, А. В. Михайлов неоднократно указывал на то, сколь индивидуальный характер в пределах каждой из национальных литератур приобретают такие течения и направления, как классицизм, барокко, сентиментализм, романтизм.

Концепция истории русской литературы Л. В. Пумпянского оказалась настолько теоретически законченной, что впоследствии уже не изменялась, а лишь подвергалась дополнениям и уточнениям со стороны ее создателя. К сожалению, эта концепция не получила систематического оформления, так что судить о ней можно лишь по высказываниям Л. В. Пумпянского, рассеянным по всем его работам. Но даже в своей незавершенности по результатам изучения исторической топики она сравнима с выводами знаменитого исследования Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье» (1947). Вместе с тем литературная теория, лежащая в основе этой концепции, недогматична и открыта. Недаром выражением этой открытости стал тезис Л. В. Пумпян-

ского о принципиальном энциклопедизме гипотез как наиболее адекватном способе постижения поэтических явлений.

Независимая позиция, которой Л. В. Пумпянский придерживался в Вольфиле, постепенно становилась все более несовместимой с ее деятельностью, и весной 1922 г. он покидает Вольфилу. М. В. Юдина, И. И. Соллертинский и П. Н. Медведев, другой его витебский знакомый, составляли в это время его ближайшее окружение. Кратковременное воссоздание Невельского кружка с его докладами и обсуждениями произошло зимой 1922—1923 гг., когда из Москвы в Петроград ненадолго приезжал М. И. Каган. Именно тогда к кружку присоединились индолог М. И. Тубянский и биолог И. И. Канаев.

Но подлинное возобновление деятельности Невельской школы наступило весной 1924 г., после возвращения в Ленинград из Витебска М. М. Бахтина. Выступления М. М. Бахтина 1924—1925 гг., записанные Л. В. Пумпянским, дают представление о тематике заседаний кружка и об общем направлении дискуссий тех лет²⁵. В эти годы (1924—1926) Л. В. Пумпянский вновь глубоко пережил и усвоил, как некогда в Невеле, новые философские и эстетические идеи М. М. Бахтина. В работах этого времени и самого Л. В. Пумпянского, и М. М. Бахтина происходит окончательный отрыв от метафизических традиций отечественной и европейской философии²⁶.

Первый, культурно-философский, период деятельности Л. В. Пумпянского, начавшийся в Невеле, закончился к 1927 г. Около 1927 г. он, прежде резко отрицательно относившийся к установившемуся режиму²⁷, переходит на марксистские социологические позиции. Неожиданность и удивительность этого поступка Л. В. Пумпянского как для ближайших друзей²⁸, так и для окружающих была столь велика, что до нас дошли легендарные рассказы об этом событии, в которых подчеркнута сознательность его выбора²⁹. Например, согласно одному из таких рассказов, он разослал своим друзьям письма с объявлением о своем новом мировоззрении.

Весь драматизм этого поступка отражен в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» (1928). Почти все участники занятий Невельского кружка в Ленинграде в 1924—1926 гг. послужили прототипами героев романа. В

²⁵ Бахтин 1992.

²⁶ Пумпянский 1995: 75—86; Николаев 1995: 65—71.

²⁷ Чуковский 1989: 190.

²⁸ Дувакин, Бахтин 1996: 231.

²⁹ Чуковский 1989: 190—191.

фигуре Тептелкина, одного из главных героев, по свидетельству современников, были запечатлены занятия, философские и литературные идеи, подробности биографии Л. В. Пумпянского, вплоть до его отношений с М. В. Юдиной³⁰. Вагинов воспроизвел в романе даже внешний вид его рукописей и отметил такую существенную подробность его историко-литературных занятий, как сопоставление поэзии А. Шенье и Пушкина³¹.

Однако нет большей ошибки, чем считать, что Тептелкин и есть Л. В. Пумпянский. Участник «омфалических» застолий, обладавший огромной энергией мысли Л. В. Пумпянский и неприкаянный, элегический Тептелкин — разные люди. В образе Тептелкина сказалась основная особенность поэтики вагиновского романа, отмеченная М. М. Бахтиным: «с одной стороны — детализация мелкая, тончайшие оттенки, а с другой стороны — необычайная широта горизонта, почти космическая. И вот это своеобразие раскрывается и в Тептелкине»³². Из черт бытового и умственного уклада Л. В. Пумпянского Вагинов соткал совсем иной образ. В этом несовпадении и заключался особый, понятный только друзьям, комический эффект романа. У героя романа с его прототипом была только одна действительно общая черта, также отмеченная М. М. Бахтиным, — трагизм: «Так как я был близким другом Пумпянского, то и одеяло это мне было хорошо известно, и вообще все это было известно, и все это довольно точно воспроизведено. И в то же время сила, глубина и трагизм Пумпянского нашли отражение. Вообще это совершенно своеобразная, я бы сказал, в литературе трагедия — вот можно так это назвать — трагедия смешного человека. Смешного человека. Трагедия чудака, но только не в стиле Достоевского, а в ином стиле несколько»³³.

С поэтом К. Вагиновым Л. В. Пумпянский познакомился, скорее всего, в конце 1922 г. и поддерживал с ним теснейшее общение. Вагинов посещал и заседания Невельского кружка, возобновленные после приезда М. М. Бахтина. В архиве Л. В. Пумпянского сохранилось несколько его набросков о творчестве поэта. В 1926 г., сразу после выхода нового сборника стихотворений Вагинова, Л. В. Пумпянский сделал доклад о его поэзии. Более того, от него, несомненно, Вагинов узнал и имя Тептелкин как обозначение чего-то крайне негативного. В автобиографической заметке 1923 г. «Нечто о 9 веснах!» Л. В. Пумпянский писал о петроградской весне 1921 г.: «Негодяи Теп(телкины) уже появились в моей жиз-

³⁰ Вагинов 1991: 545—546; Дувакин, Бахтин 1996: 194—198.

³¹ Вагинов 1991: 38, 94.

³² Дувакин, Бахтин 1996: 197.

³³ Там же: 197—198.

ни». Однако, несмотря на дружескую близость с Л. В. Пумпянским, Вагинов все же наделил всем своим знанием его личности гротескную фигуру чудака Тептелкина, отказывающегося от своих прежних идеалов и переходящего на службу к существующему режиму. К тому же журнальный вариант романа появился осенью 1927 г. (Звезда. 1927. №10), когда Л. В. Пумпянский действительно совершил переход к новому периоду своей деятельности и с той же осени 1927 г. стал активно заниматься лекционной работой. После появления романа Л. В. Пумпянский разорвал всякое общение с Вагиновым.

К текстам второго, социологического, периода деятельности Л. В. Пумпянского относятся: предисловие к однотомнику «Сочинений» Пушкина (1928 г.), статьи о Тургеневе (1929—1930 гг.), неизданная книга «Литература современного Запада и Америки. 1920—1929» (1930 г.), наброски публичных лекций о современной советской и иностранной литературе.

Позиция Л. В. Пумпянского в этот период не совпала ни с одним из тех направлений русской мысли 1920-х гг., которые от первоначальной враждебности к новому режиму перешли к той или иной форме его приятия. К тому же идеологи этих направлений, до какой бы степени признания нового порядка они ни доходили, не меняли своих взглядов на марксистские, как это случилось с Л. В. Пумпянским. В этой необычной перемене и заключался драматический характер его поступка. Но драматичен даже не столько сам переход Л. В. Пумпянского к марксизму и социологизму, драматично действительно полное отречение от важнейших предпосылок своей прежней философии культуры, в рамках которой посредством переосмысления идеи Третьего Возрождения и родилась его концепция истории русской литературы.

По необычности перехода на другой идеологический язык позиция Л. В. Пумпянского сопоставима лишь со статьями и книгами М. М. Бахтина, изданными во второй половине 1920-х гг. под именами его друзей, и социологическими разделами вышедшей под его именем книги «Проблемы творчества Достоевского» (1929 г.). И если М. М. Бахтин отход от прежней своей философии, сужение и изменение ее проблематики переживал как предательство³⁴, то Л. В. Пумпянский с не меньшей обреченностью воспринимал свое отречение, особенно на первых порах, лишь как следствие сознательного выбора новой идеологии. В этом и заключался трагизм Л. В. Пумпянского, раскрытый в романе К. Вагинова. Но каковы бы ни были воля и намерения Л. В. Пумпянского в стремлении

---

³⁴ Бочаров 1993а: 83.

говорить на новом языке и внести рациональный смысл в воцарившуюся идеологию, они с неумолимостью расплаты вели его к двоемыслию, которое стало для него свершившимся фактом после (недолгого, правда) ареста в ноябре 1928 г. по делу кружка «Воскресение» А. А. Мейера³⁵.

Феномен двойного сознания, присущий той части оставшейся в России интеллигенции, которая, признав невозможность прежнего культурного творчества, пыталась в болезненном компромиссе сохранить хоть какую-то меру независимости мысли в пределах нового идеологического языка, проявился уже в статьях Л. В. Пумпянского о Тургеневе, где он явно подчеркнуто присоединяется к положениям только что, в середине 1929 г., вышедшей книги М. М. Бахтина о Достоевском, несмотря на то, а скорее всего, именно потому, что ее автор находился под следствием, и где наиболее расхожие стереотипы официальной риторики соседствуют с рассуждениями, изложенными, насколько это возможно, свободно, без всякой примеси марксизма и социологизма. Подобно тому как у М. М. Бахтина социологический метод в работах второй половины 1920-х гг. вовсе не воспроизводил общепринятой марксистской идеологии, за исключением нескольких дежурных цитат и обязательных положений, и представлял собой самостоятельную его разработку, так и у Л. В. Пумпянского социологическая интерпретация культурных явлений во многом не совпадала с утвердившимися оценками. Недаром в течение второго периода Л. В. Пумпянский предпочитал ссылаться именно на эти работы М. М. Бахтина и следовать их выводам.

Кроме того, в новой позиции Л. В. Пумпянского явно присутствовал и культурно-просветительский мотив, свойственный в те годы многим представителям русской интеллигенции. В предисловии к «Сочинениям» Пушкина он доказывал совместимость русской классической литературы с новой пролетарской культурой, а несколько позднее предостерегал от рабского копирования романной техники XIX в. и полемически настаивал на необходимости усвоения художественного опыта Джойса и Пруста.

Социологизм этих лет не помешал Л. В. Пумпянскому продолжить исследование исторической поэтики русской литературы, особенно ярко — в статьях о Тургеневе, и, более того, применить принципы исторической поэтики к изучению советской литературы. В статье «Основная ошибка романа „Зависть“» (1931 г.) Л. В. Пумпянский, анализируя современный роман Ю. Олеши, обнаружил в нем все основные темы Достоевского, о которых он писал в книге «Достоевский и античность». Достижение этих

---

³⁵ Анциферов 1992: 327.

результатов в области исторической поэтики во второй период деятельности Л. В. Пумпянского доказывает (вероятно, это было ясно и самому Л. В. Пумпянскому), что историческая топика относится к тому формально-содержательному уровню, выявление которого не связано с теми или иными историософскими или идеологическими его интерпретациями. Несомненно, однако, что для Л. В. Пумпянского совокупность отдельных наблюдений обрела единство в обоснованной им концепции.

К 1932 г. стала ясной несовместимость даже социологических трудов Л. В. Пумпянского со все более унифицируемой официальной идеологией. В 1930 г. ему было отказано в издании книги «Литература современного Запада и Америки» под предлогом необходимой переработки всей книги, а также ряда других работ. Последней попыткой обращения к современным темам была заявка 1932 г. написание большой книги о Дж. Джойсе, блестящим знатоком творчества которого был Л. В. Пумпянский. Но и она не удалась.

После 1932 г. в третий, академический, период своей деятельности Л. В. Пумпянский больше не обращается к современным темам, не участвует напрямую в идеологической жизни и отходит в своих работах от жестких социологических оценок. В этот период, в отличие от предшествующего, ему не пришлось отказываться от основных методологических предпосылок своей литературной концепции. И методы классической филологии, и историческая поэтика, и теория последовательных влияний и рецепций, и даже особое понимание категорий классического и романтического оказались вполне совместимыми с академическим литературоведением, не противоречили ему и, на поверхностный взгляд, во многом совпадали с его принципами.

Если не всем представителям формального метода, как известно, удалось с равным успехом обратиться к академической науке, то Л. В. Пумпянский, напротив, не только не отрекся от своей литературной теории, но и продолжил изучение национальной топика русской литературы, и в 1930-е гг. воспроизвел в академической манере почти все свои работы предыдущего десятилетия о Кантемире, Тредиаковском, Ломоносове, Радищеве, Пушкине, Лермонтове, Тургеневе. Наиболее важным теоретическим результатом, достигнутым им в эти годы, было более глубокое представление о формульном характере постоянных элементов русской классической литературной традиции.

Во второй половине 1930-х гг. Л. В. Пумпянский написал ряд обширных разделов, частично опубликованных, для академических историй русской, немецкой и французской литератур.

В 1934 г. Л. В. Пумпянский стал профессором Ленинградской консерватории, а с 1936 г. до последних дней жизни был профессором кафедры истории русской литературы Ленинградского университета. После женитьбы в 1930 г. он отдался от круга прежних друзей и в 1930-е гг. поддерживал близкие отношения с музыковедом И. И. Соллертинским, переводчиком Дж. Джойса В. О. Стеничем, историками литературы Б. М. Эйхенбаумом и Б. М. Энгельгардтом, литераторами Н. С. Тихоновым и К. И. Чуковским, чтецами-декламаторами, музыкантами-исполнителями.

Л. В. Пумпянский скончался после тяжелой болезни 6 июля 1940 г. За годы своей лекционной работы с конца 1920-х гг. он прочитал тысячи публичных лекций, и его имя было широко известно. Как выступления Л. В. Пумпянского в центральной лектории, так и его учебные курсы в университете имели необычайную популярность и посещались десятками и сотнями слушателей, сохранивших в течение нескольких десятилетий память о его лекторском даре. О его смерти было сообщено по ленинградскому радио.

Посмертная судьба творческого наследия Л. В. Пумпянского не менее драматична, чем его собственная жизнь. Намеченный к изданию сборник его работ так и не был подготовлен из-за начавшейся войны. В конце 1940-х гг., в эпоху борьбы с «космополитизмом», его статьи о Тургеневе подверглись критическому разгрому. И, доживи он до тех лет, его вполне мог ожидать трагический удел Б. М. Эйхенбаума, отстраненного от преподавательской и научной деятельности. Наступившее затем забвение не прервалось и в годы «оттепели», когда были изданы в том или ином виде исследования почти всех известных ученых первой трети XX в. и произошло «второе рождение» русского формализма. Даже его труды о русской литературе XVIII в., составляющие большую часть его печатных работ, в историографических обзорах 1960-х гг. не рассматривались как нечто целое, обладавшее единством замысла, и его имя называлось лишь в перечне исследователей, занимавшихся изучением этого периода. Тогда как, например, изложению концепции его младшего коллеги Г. А. Гуковского отводилось в таких обзорах значительное место. Между тем сам Г. А. Гуковский, прослушавший в начале 1920-х гг. лекционные курсы Л. В. Пумпянского, исключительно высоко ценил его ученичество. В начале 1930-х гг. он привлек Л. В. Пумпянского к работе группы по изучению XVIII в. в Пушкинском Доме; скорее всего, при его содействии Л. В. Пумпянский стал профессором филологического факуль-

тета Ленинградского университета, где читал, правда, курс истории русской литературы второй половины XIX в.; в учебнике Г. А. Гуковского «Русская литература XVIII века» (1939) главы о Кантемире и Тредиаковском принадлежат Л. В. Пумпянскому; он же собирался составить перед самой войной сборник статей Л. В. Пумпянского.

Только стараниями неумолимого противника официальной науки Ю. Г. Оксмана, хорошо знавшего Л. В. Пумпянского, он попал в словник Краткой литературной энциклопедии³⁶. Тогда же, не получив официальной поддержки, окончилась неудачей еще одна попытка издания его трудов.

Неожиданное возрождение интереса к Л. В. Пумпянскому произошло в начале 1970-х гг. из иных источников. С одной стороны, получило распространение предание, числившее его прототипом главного героя романа К. Вагинова «Козлиная песнь», а с другой стороны, в те же годы, в пору всеобщего признания идей М. М. Бахтина, выяснилось, что в 1920-е гг. он входил в ближайшее бахтинское окружение. Сам М. М. Бахтин, как никто другой, много сделал для привлечения внимания к личности и творчеству Л. В. Пумпянского. В начале 1970-х гг. он неоднократно призывал собеседников обратиться к трудам Л. В. Пумпянского и к материалам его архива. В 1973 г. в беседах с В. Д. Дувакиным он вновь и вновь задерживает свой рассказ на именах Л. В. Пумпянского и другого своего друга — К. Вагинова, почитая их несправедливо забытыми³⁷.

Только в 1970—1980-е гг. появилась возможность публикации, с неизбежными купюрами, ранних работ из архива Л. В. Пумпянского. Причем по мере появления в печати в эти же годы ранних работ М. М. Бахтина стало ясно, почему даже поздние труды Л. В. Пумпянского не укладывались в рамки привычной классификации историко-литературных исследований. В их основе лежала совсем иная система ценностей, иной философский и эстетический подтекст. Также стало ясно, что работы Л. В. Пумпянского 1930-х гг., в которых он вынужден считаться с идеологическими запретами и стереотипами, являлись дальнейшим развитием и детализацией высказанных им ранее, в 1920-е гг., положений. Совершенно очевидно, что эти труды 1930-х гг., в частности по истории литературы XVIII в., до сих пор сохранившие полноту актуальной научной проблематики, заслуживают переиздания в виде отдельного сборника.

В свою очередь, ранние историко-литературные работы Л. В. Пумпянского, общий контекст которых, определяемый его обширными ра-

---

³⁶Тименчик 1971. К сожалению, в статье неверно указан год рождения Л. В. Пумпянского.

³⁷Дувакин, Бахтин 1996.

зысканиями во всех областях гуманитарного знания, настолько необычен и сложен, что лишь с трудом поддается адекватному воссозданию и истолкованию, оказались, при всем богатстве изложенных в них идей, конспективными и в большинстве случаев незавершенными. Поэтому, хотя опубликованные при жизни Л. В. Пумпянского труды и заключают в себе теоретическое единство, его подлинная концепция истории русской литературы XVIII—XX вв. может быть представлена в виде особой последовательности или совокупности неизданных и изданных при его жизни работ (эту цель и преследует настоящее издание).

В этой концепции открывается другая, прежде неведомая, литература, в каждом слове, стихе и периоде которой видится ее древнее происхождение. Это — последняя поистине «античная» классическая литература, за концом которой следует, как писал Л. В. Пумпянский в книге «Достоевский и античность», безлитературное, т. е. неклассическое, состояние Европы. Подобно тому как Ренессанс гибнет в тщетной попытке воплотить античность, русский неоклассицизм, по словам Л. В. Пумпянского в той же книге «Достоевский и античность», «гибнет, потому, что сострадание и страх в нем глубоко несовместны». Эту несовместность (а значит, и недостижимость аристотелевой формулы трагедии) в «Медном всаднике», главном произведении русского классицизма, Л. В. Пумпянский в статье 1939 г. о пушкинской поэме определил как неразрешимое противоречие между сеющим ужас величием неоклассической цивилизации и праведным бунтом Евгения. Но сострадание к малым мира сего, прозвучавшее уже у Ломоносова, разрослось в литературу любви и милости Толстого и Достоевского, ознаменовав тем самым отрицание неоклассической цивилизации и выход за ее пределы. Не случайно в середине 1930-х гг. статью «Ломоносов и немецкая школа разума» он завершает не без сочувствия ломоносовскими стихами, в которых заключена стоическая мораль, вдохновлявшая творцов неоклассической цивилизации:

Вотще готовит гнев Юноны
Энею смерть среди валов,
Премудрость! чрез твои законы
Он выше рока и богов³⁸.

³⁸ Пумпянский 1983 6: 43—44.